

у підготовці кадрів вищої кваліфікації. 1994 р. у Бібліотеці відкривається аспірантура та створюється спеціалізована рада по захисту кандидатських і докторських дисертацій.

Бібліотека здійснює книгообмін з багатьма бібліотеками та науковими центрами світу, є членом міжнародних організацій, зокрема ІФЛА, Бібліотечної Асамблеї Євразії, Конференції європейських бібліотек, Асоціації українських бібліотекарів, МААН, співпрацює з багатьма науковими, культурними, освітніми організаціями, провідними національними бібліотеками світу щодо комплектування, формування інформаційних ресурсів, обміну спеціалістами, розгортання спільних видавничих проектів з використання рукописної та книжкової спадщини. З 1956–1958 рр. Бібліотека є депозитарієм видань ООН, ЮНЕСКО, МОП, МАГАТЕ, ВОЗ та інших міжнародних організацій.

Щодо українки, визначену як пріоритетну ще при зачаткуванні Бібліотеки, слід відзначити, що з 1993 р. в НБУВ вийшли друком видання, присвячені розкриттю змісту і складу бібліотечних фондів як документальної пам'яті людства, серед яких, зокрема, п'ять випусків «Україномовної книги у фондах Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського: 1798–1923)», чотири томи фундаментального збірника документів «Історія Академії наук України: документи і матеріали (1918–1933)», довідник «Особові архівні фонди видатних діячів науки у фондах Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського», ґрунтовний показник

«Українська революція і державність. 1917–1920 рр.», за її участі видано видатну пам'ятку XVI ст., національний символ нашої держави, на котрому присягають президенти України, – Пересопницьке Євангеліє, численні наукові каталоги, що розкривають унікальні рукописні та книжкові фонди НБУВ, науково-методичні матеріали в галузі бібліотечної та архівної справи, інформаційно-аналітичні видання, культурологічні дослідження. Досліджується також історія бібліотек і бібліотечної справи, зокрема видано монографії з історії НБУВ за 1918–1964 рр.

Отже, розвиваючи ідеї, закладені під час створення національної книгозбірні, НБУВ сьогодні перетворюється на головну бібліотеку України, загальнодержавний комплексний бібліотечно-інформаційний, науково-дослідний і культурний центр, державне сховище рукописної спадщини, творів друку та документів на усіх видах носіїв інформації, що створюються в Україні. У взаємодії зі спеціалізованими та іншими бібліотеками України НБУВ забезпечує повне комплектування, наукову обробку, зберігання та загальнодоступність національних інформаційних ресурсів, повноту інформації про їх склад, а також доступ до світових джерел інформації.

Власне так розумів роль Національної бібліотеки і сам В. І. Вернадський та його однодумці, започатковуючи її у 1918 р., – як інформаційну базу розвитку суспільства в усіх його проявах, центр наукового, духовного і культурного життя суспільства.

Листи В. І. ВЕРНАДСЬКОГО Ф. І. РОДИЧЕВУ

*Публікація і коментар І. Торбакова**

Більш ніж сорокалітня дружба зв'язувала двох цих чудових людей – Володимира Івановича Вернадського і Федора Ізмайловича Родичева (1854–1933)¹. У їхніх біографіях можна легко виявити помітну подібність. Обидва народилися в Петербурзі, обидва були випускниками Петербурзького університету. І той, і інший були активними учасниками земського руху: у 1876 р. Родичев був одноголосно обраний почесним мировим суддею свого повіту, потім був призначений виконувати

посаду дільничного мирового судді, був Вес'єгонським ватажком дворянства і гласним Тверських губернських зборів; Вернадський же з 1892 р. – почесний мировий суддя Моршанського повіту і гласний Тамбовських губернських зборів. І Родичев, і Вернадський стояли біля витоків ліберально-опозиційного «визвольного руху»: у 1903 р. вони взяли участь у з'їзді російських лібералів у Шафгаузені, на якому був створений «Союз визволення». У 1905 р. обидва діячі стають членами Центрального комітету конституційно-демократичної партії. Після скликання Державної Думи і перетворення Державної Ради Федір Ізмайлович і Володимир Іванович присвячують себе парламентській роботі: Родичев був депутатом усіх чотирьох Державних Дум, а Вернадський з 1906 по 1916 рік обирався (від академічної курії) членом Державної Ради. Нарешті, після Лютневої революції обидва займали посади в Тимчасовому уряді: Родичев у березні–травні – комісар у справах Фінляндії, а Вер-

¹ Про Родичева див.: Вишняк М. В. К 75-летию Ф. И. Родичева // *Современные записки*. – 1929. – Кн. 38; Маклаков В. А. Ф. И. Родичев и А. Р. Ледницкий // *Новый журнал*. – 1947. – Т. 16; Струве П. Б. Ф. И. Родичев и мои встречи с ним // *Возрождение*. – 1949. – Кн. 1; Тыркова-Вильямс А. В. Ф. И. Родичев // *Новый журнал*. – 1954. – Т. 38.

* Торбаков Ігор Борисович, консультант дослідної програми «Центральноєвразійський проект» Інституту Відкритого Суспільства (Нью-Йорк).

надський у серпні–жовтні – товариш міністра народної освіти.

Дружні стосунки і подібність біографій були не випадкові. Ф. І. Родичев і В. І. Вернадський належали до тієї категорії російського дореволюційного суспільства, що визначалася поняттям «ліберальна інтелігенція». Їхньою політичною філософією був лібералізм, а політичним гаслом – відома формула П. Б. Струве «право і права». Російські ліберали були переконані, що ціллю людського існування є постійне самовдосконалення і максимальна самореалізація індивідуума. Для досягнення цієї цілі людина повинна володіти якомога більшою свободою. Сваюля і примус будь-якого сорту, що йдуть від держави або від суспільства, заперечувалися. В основу політичного і соціального устрою повинні бути закладені, стверджував Вернадський, «вічні, непорушні, беззаперечні істини й основні права людини»². Між іншим, саме в ході однієї з бесід із Родичевим у Вернадського визріває ідея про необхідність об'єднання російських лібералів у політичну партію. «Вечером был Федор Измайлович, – записав Володимир Іванович у щоденнику 8 жовтня 1890 р., – разговор общий, интересный – между прочим, о политической программе. Совсем мало традиции в русском обществе и совсем среди самых светлых людей неумение представления о государственном значении партий. Оттого ли, что никогда определенная партия не имела у нас власти?»³.

У своїх спогадах про Родичева Струве писав: «Я однажды назвал Родичева любовником свободы. Это была действительно всепоглощающая любовь всей его жизни... Родичев был одержимый поэт и жрец либерализма»⁴. Таким же переконаним «жрецем лібералізму» був,

безсумнівно, і Вернадський, що записав якось у своєму щоденнику: «Требования либералов являются исторической необходимостью... Исторические задачи России являются их историческими задачами, а требования либерализма являются логическим следствием всей русской истории...»⁵.

Жовтневий більшовицький переворот і початок громадянської війни поклали кінець як спробам реалізувати ліберальні ідеї в Росії, так і певному паралелізму в долях двох друзів. Родичев емігрує з Росії і через Балкани потрапляє у Францію, а потім до Швейцарії. Вернадський коливається, неодноразово замислюється про від'їзд, але, зрештою, залишається на батьківщині.

Хронологія нижче публікованих листів охоплює практично весь період життя Ф. І. Родичева в еміграції. Перше було відправлено Вернадським із врангелівського Криму в жовтні 1920 року⁶, а останнє датовано липнем 1932 року. За винятком першого листа, всі інші вісім кореспонденцій були відправлені під час закордонних відряджень Вернадського: учений явно намагався уникнути перлюстрацій і цілком можливих політичних неприємностей.

Листи публікуються з незначними скороченнями. Пропуски тексту (в основному повтори й інформація приватного характеру) відзначені символом <...>.

Оригінали листів зберігаються у фонді Родичева в Бахметівському архіві російської і східноєвропейської історії і культури при Колумбійському університеті, Нью-Йорк, США (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rodichev Collection).

² Вернадский В. И. «Основною жизни – искание истины» // Новый мир. – 1988. – № 3. – С. 213.

³ Там же. – С. 211.

⁴ Струве П. Б. Ф. И. Родичев и мои встречи с ним. – С. 44. Значення Родичева в історії російського ліберального руху добре усвідомлював син В. І. Вернадського історик Георгій Вернадський, котрий у 1930-ті роки разом зі своїм товаришем і колегою Михайлом Карповичем збирав матеріали для книги про Родичева. У серпні 1936 р. в одному з листів сину В. І. Вернадський між іншим зауважував: «Перешлю, сняв копию, чрезвычайно интересную записку – короткую – о Родичеве, написанную для тебя Дм. Ив. [Шаховским]... Родственные предания Дм. Ив. знал от самого Фед. Изм. [Родичева]». (Див.: Week-end в Болшево, или еще раз «вольные» письма академика В. И. Вернадского / Публ. и комм. М. Ю. Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. – 1998. – Вып. 23. – С. 318).

⁵ Вернадский В. И. «Основною жизни – искание истины». – С. 215.

⁶ Вочевидь, цьому листу передували інші. Так, на початку січня 1920 р., знаходячись в Катеринодарі, Вернадський записує у свій щоденник: «Через Григ. Фед. Щербину, едущего в Италию, написал большое письмо Фед. Изм. Родичеву в Белград о моем переходе в славянские университеты и откровенно о положении и работе Д[обровольческой] А[рмии] и нашего ЦК»; (Див.: Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920 / Сост. М. Ю. Сорокина, С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская. – К.: Наук. думка, 1994. – С. 206) У документах Родичева, що зберігаються в Бахметівському архіві, цей лист не виявлено.

1. В. І. Вернадський – Ф. І. Родичеву
7/20 X [1]920
Симферополь

Дорогой Федор Измайлович,

Собираюсь на днях уехать в Лондон¹ заканчивать и восстанавливать (рукописи мои остались в Киеве) ту большую научную работу, которую я веду уже несколько лет (о живом веществе)². Но жизнь сложилась иначе.

Умер от сыпного тифа ректор Университета – проф. Р. И. Гельвиґ³ и я не счел себя вправе отказаться от избрания⁴. Сейчас остался здесь в качестве ректора Университета.

30/17 X [1]920. 24 X /5 XI [1]920

Среди всяких срочных дел и необходимости выезда в Севастополь не мог закончить письма и делаю это только теперь по возвращении.

Я взял на себя это дело только потому, что считаю положение научной работы в России во многом трагическим, а между тем я думаю, что никогда и ни в одной стране так много не зависит в ее будущем от широкой и интенсивной научной работы. Таврический Университет – единственный русский Университет, обладающий автономией, т. е. способный к широкому развитию. Как бы ни сложились дальнейшие обстоятельства, мы намерены предпринять все средства для его поднятия и попытаться создать из него центр возрождения и охраны научной работы в России. Я считаю его сейчас последней оставшейся скалой, где приютилась в более нормальных условиях русская наука. Как ни тяжелы условия нашей жизни, мы можем [и]х – так в тексте] выжить и имеем огромные шансы для роста и развития...⁵

В связи с этим я обращаюсь к Вам за помощью.

1. Не можете ли доставить и доставлять нам в библиотеку польские издания и русские издания, выходящие в Польше, преимущественно научные, но и все другие. Очень важно было бы получать газеты (еженедельники особенно), чтобы судить о польских делах. Вам трудно представить себе, как важно сейчас иметь всякое известие. Кривош[еин]⁶ обещал мне известить все посольства о помощи Тавр[ическому] Ун[иверситету] – сделал ли?⁷

2. Нельзя ли получить список всех высших учебных заведений и научных учреждений в Польше и кто стоит во главе их? Есть университет в Люблине? Выходят научные издания?

3. Нельзя ли получить список всех находящихся в Польше ученых (особенно молодых), бежавших туда из России, и знать, чем они занимаются?

4. Мы собираем теперь материал для мартиролога русских ученых с осени 1917 года. Всякие сведения в этом отношении для нас имеют значение и убедительно прошу Вас помочь нам их присылать. Важны не только сведения о гибели (от расстрелов, тифа, голодания, истощения и т. п.), но и тюремные заключения, издевательства и т. п.⁸

5. Если что-то знаете о положении высшей школы и ученых учреждений в Советской России – сообщите.

6. В каком положении высшие школы и ученые учреждения в Познани? Кому подведомствен Кенигсбергский Университет? Можно ли получать через Польшу и через Вас немецкие книги? Нельзя ли снестись с Петр [оградской] Академией Наук и получить последний ее отчет?

Я весь завален грозными условиями жизни, но научно работаю, сколько могу. Сейчас у нас идет целую неделю блестящий по интересу и составу съезд Таврич[еской] Научной Ассоциации⁹. Публика переполняет залу. Пытаемся всячески восстановить связь с наукой на Западе и Америки.

Очень прошу Вас ответить мне на все эти мои вопросы. С кем снестись в Чехии?

Ниночка¹⁰ служит в кооперативе. В свободное время работает в Унив[ерситете] студенткой. Георгий¹¹ в Севастополе начальником печати, но остался профессором. Не знаю, как переживем это время – но все в таком положении. Ваш В. Вернадский. <...>

2. В. І. Вернадський – Ф. І. Родичеву
Paris V
7 Rue Toullier
10 III [1]923¹²

Дорогой Федор Измайлович, страшно рад был Вашему письму. Все время собирался Вам написать. Но я здесь все время в большой работе и не справляюсь со своим временем. Каждую неделю пишу и готовлю лекцию по-французски – по геохимии; курс совсем новый, я читал нечто вроде в 1921–1922 в Петрограде (в Академии) и сейчас этот курс – и самый предмет в Париже читается впервые¹³. И по-русски писать каждую лекцию трудно, а по-французски и того труднее. У меня ничего готового нет и я пишу каждую неделю. Лекции здесь ровно час. На следующей неделе кончаю лекции и буду готовить их к печати; выпущу книжкой¹⁴.

В Россию надо вернуться, т. к. не хочу подводить Академию¹⁵. Я думаю вернуться на время и провести этот год за границей, если найду материальную возможность. У меня материально обеспечены месяца 4, а затем есть проспекты. М[ожет] б[ыть] останусь здесь, взяв годичный отпуск – это буду выяснять. Больше бы всего хотелось уехать в Америку, если бы была возможность добиться там организации особой лаборатории – биогеохимической лаборатории для изучения жизни в связи с химией земной коры – того вопроса, которым эти годы занят и где, мне кажется, удалось мне получить важные результаты¹⁶. В России, несмотря на ужасающие условия жизни, научная работа идет и развивается. Это одно из крупнейших достижений русского народа за это ужасное время. <...>

Я сам не только не православный, но и не христианин¹⁷ – но считаю для себя ближе, несравненно ближе, всякого верующего православного по сравнению с верующим социалистом. Последние, по-моему, опасны для свободы и развития человечества¹⁸. <...>

Ваш В. Вернадский.

3. В. І. Вернадський – Ф. І. Родичеву

Paris V
7 Rue Toullier
23 X [1]923

Дорогой Федор Измаилович,

Очень мы рады были получить Ваше письмо. Я чрезвычайно рад, что остался здесь до весны – живу в человеческих условиях и имею возможность выразить широким кругам то, что считаю важным и к чему пришел всей мыслью своей жизни.

Но весной придется возвращаться в рабские условия русской жизни. Я получил продление командировки и это еще крепче связывает¹⁹.

Я живу научной работой – тем, к чему пришел и что мне кажется важным и нужным. Я стар и времени у меня осталось немного, а сказать надо много. Когда я пишу Вам, я чувствую, что все это может показаться странным – но я знаю историю человеческой мысли и вижу там постоянно людей, переживавших то же, что переживаю и я. Иногда – и большею частью – они переживали правильно. То, что им казалось нужным сказать, было действительно нужно – иногда – но не часто – такие люди ошибались – или это нам так пока еще кажется. Но для них их убеждения были последним оселком, дальше которого они не шли.

Здесь мне пока не удастся устроить свою жизнь так, чтобы я смог отдаться этой своей работе прочно и всецело. В тяжелых условиях России пока это возможно, как мне ни тяжело там жить.

Я все-таки не теряю надежды, что удастся этого избежать, т. е. смогу поехать туда только временно.

Если бы я был моложе – я бы ни за что не вернулся – но мне 60 лет и я должен спешить в своей работе²⁰.

Я эти годы – в другой обстановке и без всякого сравнения – понял, о чем говорил Сократ, когда говорил о своем «демоны»...

Общие условия жизни человечества мне представляются связанными с порядком, от него не зависящим, который не допустит варваризацию. И в этом смысле я спокойно смотрю в будущее. Но частное будущее отдельной страны может быть очень тяжелое. А в России, мне кажется, нынешний и будущий [из него – вставлено в текст] строй тесно связан с ее прошлым.

В той книге более общего характера, чем геохимия, которую теперь сдал в печать – которую я теперь пишу, я в последних главах хочу коснуться вопроса о вероятном будущем человечества в связи с его геохимическим значением, его значением как силы природы. Надеюсь, Вы тогда прочтете и простите эти несвязные строки. Всего лучшего. Ваш В. Вернадский. <...>

4. В. І. Вернадський – Ф. І. Родичеву

Прага Vubenes
Vuckova 594

[У лівому верхньому кутку – *Дорогой Георгий, это для тебя. Прочти и сохрани в своем архиве. Нашла се-*

годня утром в отцовских бумагах это письмо. Обнимаю обоих. А. Родичева. Приписка олівцем рукою Г. Вернадського – получено 10 Sep. 59. У правому верхньому кутку датування Г. Вернадського – в конце 1925 г.]

Дорогой Федор Измаилович,

Глубоко тронуло меня и было дорого Ваше письмо. Горячо благодарю Вас.

Еду в Россию²¹, зная, что будет нелегко, особенно Наташе, т. к. я буду больше в сутолоке жизни, больше на людях. Для меня мое решение было вызвано и обосновано чувством личного морального обязательства, чувством личной чести. Сейчас – видя людей в России – молодых и старых ученых, друзей и учеников – мне иногда кажется, что это мое решение окажется правильным не только субъективно, но и объективно. Тяжело особенно нам будет жить в условиях гнета и неуважения к человеческой личности, нам, привыкшим к условиям жизни свободных людей в свободной стране... Это присоединяется к тому тяжелому, что сейчас переживают все русские люди в России и вне ее. Думаю, что сейчас – не знаю, надолго ли (но это в значительной мере будет зависеть от меня самого) – условия моей научной работы в России будут гораздо более широкие, чем те, которые я имел и мог бы иметь сейчас на Западе. Но это не имело влияния на мое решение, т. к. и то, чего я мог бы добиться [для этого года – вставлено поверх текста] во Франции и Чехословакии представляло для меня многое и дало бы мне возможность сделать м[ожет] б[ыть] меньше, чем в России, но получить, делая это, зато возможность более спокойной, свободной жизни. Конечно, если бы я думал, что в Петербурге я не буду иметь возможности научно работать – я бы это высказал публично, и это бы сняло с меня моральное обязательство. Я думаю, однако, как раз противоположное. Сейчас я восстановлен в положении Директора Радиевого Института²² (выбирает Совет Института – и затем вторично Академия) и Председателя Комиссии по изучению естеств[енных] производительных сил России²³ (теперь д[олжно] б[ыть] СССР!) (избрание Академией). Этим путем я получаю в свое распоряжение лабораторию, помощников, денежные средства для работы.

В этом отношении эти учреждения – с независимым от Академии бюджетом – обставлены хорошо. По-видимому, я смогу сразу поставить ряд работ – очень частую больших – которые мне были здесь совершенно недоступны. Я сейчас нахожусь в периоде очень большого охватившего меня научного творчества, которое, скорее, растет, чем уменьшается – как это ни странно говорить в мои года! Старения в этом смысле я не ощущаю. И я еду, надеясь на возможность немедленного направления научной работы частью в совершенно новые области знания. Я чрезвычайно благодарен Академии, что она избавила меня при этом от всяких переговоров с властями; все это было сделано вне меня.

Конечно, посмотрим, как все сложится. Я смотрю в будущее России скорее с большим спокойствием. Думаю, что открывающееся новое – при всей его сложности и

при многом тяжелом и чуждом – будет большим даже в ближайшее время. Сейчас в русском народе и обществе я вижу огромные для этого проявления и в этом отношении смотрю иначе, чем значительное большинство людей, которых я сейчас вижу кругом. Я вижу огромное горение веры, религиозной сознательности, охватившее множество лучших людей; думаю, что в этом выстраданном, частью в подвижничестве, не останавливаемом перед смертью, таится огромное возрождение; в России оно принимает форму православного и протестантского движения и входит в рамки той великой борьбы мировых религий с атеизмом и фетишизмом, во главе которой стоит католичество.

Я вижу и другую форму духовного творчества и подвижничества, которая кажется мне не меньшим залогом будущего. Сейчас тысячи людей в России охвачены научной работой и исканием; и здесь это проносится (?) среди страданий. Со всех сторон я имею сейчас указания на то, что поднимаются молодые талантливые ростки и с другой стороны это искание идет в новые слои, люди таланта идут и из низов. В общем главные центры научной работы сохранились и сейчас идет любопытное и важное движение, связанное с «краеведением» и «мироведением», число организованных центров которого доходит, если не превысило, 1000²⁴. Но для меня важно то, что идут всюду молодые искания. Сейчас русская научная творческая работа пережила окончательно опасный момент. Думаю, что втиснуть это большое в тиски гибнущего коммунизма – утопия, реально не опасная. Я смотрю – иначе, чем большинство – с огромным признанием (?) и к третьему большому и разнообразному идейному движению – национальному, в частности азиатскому, – которое может не только не быть опасным для России, как многие боятся, но, по-моему, есть залог ее будущей духовной силы. Духовную мощь этого движения я ставлю очень высоко. Наряду с этим, идейно коммунизм (и социализм) кончен или умирает: талантливые, одаренные люди в него не идут. Так или иначе он кончится («рассосется»), как мне говорят Платонов²⁵ и Любавский²⁶ – кругом идет новая жизнь возрождающегося хозяйства. Как она пойдет – не знаю. Любопытно, что сейчас в области земледелия и новых научных исканий в этом направлении русские исследователи растут в своей мировой ценности и здесь есть формы большого будущего... <...>

Простите за эти бессвязные строки. Думаем ехать через неделю: уже русскую визу получили. Остановимся на два дня в Берлине. Наш горячий привет Вам и Ек. Ал.

Ваш В. Вернадский.

5. В. І. Вернадський – Ф. І. Родичеву
7 IV [1]928
Paris XIV
15 Rue Delambre

Дорогой Федор Измайлович – очень рад был получить от Вас весточку. Мы приехали сюда из Праги²⁷,

где мне пришлось читать и составлять (по-французски) новый курс лекций и писать большую записку для Академии Наук – и я не мог написать Вам. Здесь мы отдыхаем на обратном пути – в конце месяца уже должны быть в Петербурге. <...>

Очень странное чувство испытывают сейчас в России. Вы чувствуете огромный происходящий процесс, еще далеко не устоявшийся. Будущее мне представляется совсем неясным – но ясно для меня одно: то, что произошло, подготовлялось десятилетиями, если не поколениями, и мы не поняли того, что подготовлялось.

Выдержит ли народ то глубочайшее потрясение, которое происходит? И что будет представлять новая Россия, которая создается, если народ выдержит? Можно сказать одно: старое не вернется даже в отдаленной степени и то, что есть сейчас, — преходяще и не имеет никаких данных сохраниться. Устоит ли народ или Россия распадется? Выражая не свое – а чужое, очень пространное – мнение, должен сказать, что господствует оптимистическое настроение. Верят кругом в великое будущее. Это, конечно, тоже факт, с которым приходится считаться.

А так жизнь сейчас, конечно, очень тяжела. Свободы в России всегда было мало – а сейчас ее совсем нет. И впечатление такое, что она огромному большинству наших соотечественников – не нужна. <...>

6. В. І. Вернадський – Ф. І. Родичеву
Гронинген
22 IV [1]928

Дорогой Федор Измайлович,

Перед отъездом в Россию мне хочется ответить на Ваше письмо об Академии. Я думаю, что именно представление – ходячее в русском обществе об Академии и было неверное. Острота Герцена, о которой Вы пишете (Ак[адемия] Н[аук] могла бы быть на Сандвичевых островах), как раз показатель этого непонимания и исторически неверна.

Русское общество так же не знало и не знает историю своего научного творчества, как не знало и своего художеств[енного] творчества; добрая часть истории России – да и всякой страны (стоит вспомнить Наполеона во Франции) – творилась «иностранцами по происхождению». Есть замечательная по глубине мысли речь ак[адемика] Миддендорфа²⁸ (вполне русского, несмотря на немецкую фамилию) в 1850-х годах, где дано глубокое обоснование той структуре Ак[адемии] Н[аук], какую имела Россия в XIX ст. и которая, вероятно, разовьется в Европе – и в мире, – когда падут рамки национальной грезни. Связь «немцев» (б[ольшей] ч[астью] русских по государству), о которых я пишу – Лейбница²⁹, Фусса³⁰, Гесса³¹ и др. – с русской культурой огромна. Ну напр., русский химич[еский] язык создан Гессом (один из великих химиков – калибра Бертелло³²). История с Менделеевым очень печальна – но нельзя забывать, что это обычная ошибка в истории академии: недавно франц[узская] академия забаллотировала

П. Кюри³³ после открытия им радия (второй раз выбрала), а самый крупный из живых французский физик Perrin³⁴ был дважды забаллотирован. Они забаллотировали и Mme Curie³⁵. Это все печальные стороны всяких научных – да и других – «обществ». Надо иметь в виду, что М[енделеев] был забаллотирован на кафедре физики и прошел в отделении, но был забаллотирован в Общем Собрании³⁶. Во главе «немецкой» партии Ак[адемии] Наук стоял К. Веселовский³⁷, а главой «русской» был бар[он] Розен³⁸.

Вообще сейчас, я думаю, русская история должна быть написана вновь – до такой степени мы все захвачены двумя официальными схемами – уваровской и той «радикально социалистической», которая не менее, если не более, наделала бед. Два-три примера: Писарев и вся «либеральная» (я ее такой не считаю) русская журналистика высмеивала и боролась с Пастером³⁹, осыпала его грязью: она считала истиной самопроизвольное зарождение. Величайший русский, – который, вероятно, должен стоять в первых десятках гениев человеческой мысли Лобачевский⁴⁰, человек глубокого благородства и редкого у русских понятия чести – был сотрудником Магницкого⁴¹ в его «работе» в Казанском Унив[ерситете]. Академия Николаевского времени совершила огромную работу – творческую – которая дала возможность появлению того расцвета естествознания 1860-х годов. И сейчас наш научный подъем, начавшийся в начале XX века, идет и растет, несмотря на большевистский, в сущности, социалистический строй. М[ожет] б[ыть] – если Россия его не выдержит – мы увидим в этой области явление, схожее с расцветом Древней Греции перед гибелью ее свободных государств. Я думаю, в этих законах много биологического и все т. н. «цивилизации» – часть большого естественноисторического процесса... <...>

Я считаю великим несчастьем нашего народа как бедность его государственными людьми за последние поколения, так и неумение создать национальную школу. В области высшей и средней школы мы имели только третьестепенных людей: ни мыслители, ни госуд[арственные] люди не оказались в этой области на высоте. Я считаю, что совершенно иное – в области научной организации и высшей школы. Здесь было иное и м[ожет] б[ыть] только оттого сейчас еще не совсем безнадежно наше положение в области высшей школы. Оно выдержит, может быть, и социалистически-фетишистское (атеистическое) воздействие.

Биологические процессы, у нас идущие, и разврат – глубочайший и телесный и умственный – молодежи – самое страшное, что переживает Россия. Выдержит ли она? М[ожет] б[ыть] то все растущее религиозное настроение, какое действительно там нарастает – и как ни странно для русского интеллигента старого времени – несет свободу мысли (я, впрочем, всегда это считал) есть начало спасения.

Ну, отправляясь в Россию, шлю Вам сердечный привет.

Ваш В. Вернадский.

7. В. І. Вернадський – Ф. І. Родичеву

Hruba Skala Stekluv
Hotel
20 VIII [1]929⁴²

<...>

Не буду Вам писать – не напишешь – о нашей жизни в России. Жизнь там, конечно, столь тяжела, что не сравнится с жизнью здесь эмиграции и положение не улучшается. Оно становится грознее: идет безумная, как представляется, борьба – острая борьба, с крестьянством. Огромное дерзновение, книжно красивое – но совершенно неизвестно, к чему оно приведет. Несомненно, оно принесет и приносит массу страданий и должно привести в конце концов или к разрушению государства или к капитуляции власти⁴³. Но власть имеет задачи, которые не охватываются только идеей государства, так что для нее нет логической необходимости останавливаться перед его крушением. И насаждение единой матерьялистической философии (изменение быта), и никогда еще не бывшая борьба с Богом – построение быта на безбожии при отсутствии и отрицании человеческого достоинства (чего не было, напр., в буддизме, тоже атеистичном) – новые и небывалые явления в истории человечества... Успех сомнителен и становится все более сомнительным, т. к. выдохся дух и нет крупных людей, идея мертвеет...

Все это было бы чрезвычайно интересно, если бы этот эксперимент не делался над родным, с чем кровно связан...

<...> Удивительным образом, стихийно, как мне иногда чувствуется, несмотря ни на что, развивается научная работа в России и сейчас всюду растет молодой подрост, находящий себе для пробивания новые формы, совершенно не улавливаемые той полицейско-бюрократической сеткой, которая охватывает сейчас и давит Русь. Перед научной силой в России – сейчас малы те русские научные силы, которые находятся за ее пределами. И рост научной мощи внутри, несомненно, быстро растет.

Всего лучшего, дорогой Федор Измайлов[ич].
Ваш В. Вернадский.

8. В. І. Вернадський – Ф. І. Родичеву

20 IX [1]929

Дорогой Федор Измайлович,

На днях уезжаем через Берлин назад в Россию и мне хочется написать Вам еще несколько слов. Чувство такое, что едем в очень тяжелые, еще более тяжелые чем когда бы то ни было условия, туда, где творится сейчас история моего народа и м[ожет] б[ыть] сейчас стоит он перед катастрофой⁴⁴. Хочется верить, что есть стихийный процесс, не учитываемый современниками, который от огромной катастрофы его избавит. Эта вера довольно распространена в России, где смотрят на происходящее, как на временное испытание. Хорошо это выразил в своем заявлении покойный Грум-Гржимайло⁴⁵...

Стихийность – закономерность — работы цивили-

зованного человечества для меня вытекает из научного изучения жизни в аспекте планеты. <...>

Конечно, воспоминание о «братстве» не может иметь тяжелых последствий для лиц, еще живых. Дм. Ив. [Шаховской] очень интересовался последнее время этим нашим прошлым. Я думаю, в нем было зерно ценное – идея объединения людей в братстве в жизни – то же ценное, которое имеется в масонстве, но там выродилось... М[ожет] б[ыть] это одна из попыток, замерших, но которая в конце концов возродится⁴⁶. <...>

Я думаю, суд истории над С. Ф. [Ольденбургом] будет во многом иной, чем думают современники. Мне всегда вспоминается деятельность некоторых китайских мандаринов при Чингиз-хане, спасших китайскую культуру. Я с очень многим – и с основным – не согласен с С. Ф., но думаю, что он всегда делал так, что может – без опаски – открыто объяснить свои поступки. Он стольким людям помог (и тем, которые его же ругают), как едва ли кто из живущих в России⁴⁷.

Школа разрушена и разрушается. Она всегда была слабой чертой нашего творчества. А сейчас, вероятно, худшее время для нее, какое можно себе представить. Значительная часть лучшей молодежи издается вне высшей школы.

Я не помню, писал ли я Вам, что перед отъездом сюда я начал перечитывать Герцена (государственное издание 1920 года было массами выпущено в «дешевую книгу»; спохватились – но поздно). Много там нахожу, хотя его атеизм и историософия мне чужды. Но какой огромный художник...

Всего лучшего. <...> Ваш В. Вернадский.

9. В. І. Вернадський – Ф. І. Родичеву
Геттинген
19 VI [1]932⁴⁸

Дорогой Федор Измайлович,

Я уже больше месяца за границей – все хотел Вам написать, но пришлось спешно работать, был со своими в Праге, сколько мог – особенно с внучкой⁴⁹. Теперь больше свободен эти дни. <...>

Несмотря на очень тяжелые условия русской жизни, мне удастся работать и вести три связанные между собою учреждения – Радиевый институт и две биохимические лаборатории: одну большую при Академии Наук, другую маленькую у Мурманского моря – плохо обставленные и обязанные давать множество хлопот (как я говорю коммунистам: я делаю максимум усилий и получаю минимум эффекта и что на своей спине должен нести диаматов и т. н. общественных работников).

Диаматы – диалектические материалисты – «философы». И те и другие – трутни, работающие наподобие палок в колесе и сейчас губящие научную работу⁵⁰.

Совершенно неясно, что выйдет из того, что происходит. Сейчас ужасающий произвол и жестокость, борьба и насилие над крестьянством и остатками интеллигенции и наряду с этим ряд важных и любопытных начи-

наний – но трудно сказать, удадутся ли и выдержит ли народ. Жизнь становится тяжелее, голод и разорение, плохая работа; пока у значительной части молодежи пафос работы над чем-то большим. <...>

Страна находится в тяжелейшем положении и в полном хаосе.

Иногда удивляешься, что все же можно идти вперед в научной работе.

Любопытно, что будет через несколько лет. Думаю, что-то совсем новое и не то, что пытаются строить. <...>

Горячо Вас обнимаю.

Всегда Ваш В. Вернадский. <...>

¹ Опикившись наприкінці січня 1920 р. у Криму, Вернадський усе більше починає схилитися до думки про еміграцію – насамперед для продовження наукової роботи. Мотиви «від'їзду» все частіше зустрічаються в його щоденникових записах. Так, 20 квітня 1920 р. він заносить у щоденник: «... тяжело жить в этой обстановке, хочется уехать скорее в Англию и Америку и отдаться всецело научной работе». 6 червня: «Хочу уезжать за границу. Удастся ли организовать?» 18 липня: «Невольно думаешь о поездке в Англию». (Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. Январь 1920 – март 1921 / Сост. С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская, М. Ю. Сорокина. – К.: Наук. думка, 1997. – С. 66–67; 83; 92). Дружина Вернадського Наталя Єгорівна пізніше згадувала: «Владимир все же мечтал о переезде за границу, где мог бы спокойно заниматься наукой. Предпринятые им шаги обещали успех». (Там же. – С. 163. Прим. 137). Працюючи наприкінці життя над мемуарами, Вернадський вніс у «Хронологію 1921 р.» таке: «Будучи в Ялте, в Криму... я написав в Британську Академію наук [British Association for the Advancement of Science – И. Т.], иностранным членом которой я состою с 1889 года, просьбу помочь мне и моей семье переехать в Англию». (Вернадский В. И. Дневники. Март 1921 – август 1925 / Сост. В. П. Волков. – М.: Наука, 1998. – С. 38. Прим. 5). Про перипетії переговорів Вернадського з англійськими вченими й урядовими чиновниками див.: Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. Январь 1920 – март 1921. – С. 157–158. Прим. 120; С. 162–163. Прим. 137.

² Ще пізньої осені 1919 р., покидаючи Київ (у зв'язку з погрозою його узяття Червоною армією) і прямуючи через Харків до Ростова, Вернадський записав у щоденнику «Будуще становиться все более грозным и безнадежным. Невольно начинаешь бояться, что не удастся провести научную работу не разрушенной среди хаоса разрушений. А впереди столько мыслей, столько новых достижений! И так ясен путь дальнейшей работы. Я хочу в случае крушения Киева и Харькова Д[обровольческой] А[рмией] – работать – рукописи остались в Киеве – над обработкой темы – над «Автотрофным человечеством» – последней главой «Живого вещества». Она едва набросана, и над ней можно работать независимо от рукописи. Если бы даже рукописи и пропали – работа моей мысли не пропала, и она сама по себе составляет нечто целое и живое». (Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920 / Сост. М. Ю. Сорокина, С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская. – К.: Наук. думка, 1994. – С. 187.) Рукопис книги «Живое вещество в земной коре и его геохимическое значение» був повернутий Вернадському навесні 1921 р. (Див.: Там само. – С. 267. Прим. 26.)

³ Гельвиг Роман Іванович (1873–1920) – медик, анатом,

навчався у П. Ф. Лесгафта в Петербурзькому університеті, потім закінчив медичний факультет університету св. Володимира в Києві; викладав у ньому в 1902–1918 р. З 1918 р. – професор медицини, перший ректор Таврійського університету в Сімферополі. Помер від тифу 19 вересня (2 жовтня н. с.) 1920 р.

⁴ Вернадський, ще 4 (17) березня 1920 р. затверджений позаштатним ординарним професором на кафедрі геології, був обраний ректором Таврійського університету 28 вересня (10 жовтня). Як згадувала Н. Є. Вернадська, «мы ждали парохода для отъезда [в Англию. – *І. Т.*], но его сослуживцы в университете... никак не хотели согласиться с его отъездом, с уходом его из ректорства... К нему пришла депутация профессоров с просьбой не уезжать и не оставлять Таврического университета, где его труды в качестве ректора, по их мнению, были необходимы. После депутации профессоров явилась депутация приват-доцентов и пр. и, наконец, депутация сторожей все с той же настойчивой просьбой. Я упрашивала Владимира не поддаваться их уговорам. Но Владимир решил, что если они так считают, что он так нужен им – не уезжать и продолжать свою работу». (*Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1921. Январь 1920 – март 1921. – С. 163. Прим. 137.)

⁵ 10 (23) жовтня Вернадський зустрівся в Севастополі з правителем Півдня Росії, головнокомандуючим російською армією П. Врангелем і головою ради начальників управлінь врангелівської адміністрації А. В. Кривошеїним для того, щоб заручитися їхньою підтримкою в справі покращання важкого матеріального становища університету. «С Врангелем общий разговор о значении университета как единственного свободного центра русской культуры, территориально связанного с русской государственностью. Придает огромное значение нашим выступлениям в мировом культурном мире (воззвание в связи с помощью библиотеке университета). Обещает всякую помощь в нашей анкете о положении высшей школы и науки в России». (*Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1921. Январь 1920 – март 1921. – С. 106.)

⁶ Див. прим. 5.

⁷ Приблизно в той же час – 7 (20) жовтня 1920 р. – Вернадський звертався з подібним проханням до посла у Франції В. Маклакова: «Дорогой В. А. ... Долголетняя наша дружеская совместная работа позволяет мне рассчитывать на Вас..., обращаюсь к Вам со следующими просьбами: 1) нельзя ли получить для библиотеки Тавр. ун-та официальные французские издания по всем министерствам... 2) Нельзя ли получить какие бы то ни было книги, журналы, газеты для нашей библиотеки. Может быть, Вы можете пересылать нам, что не нужно Вам. За всякую помощь в этом отношении мы будем страшно благодарны. В. Вернадский». (*Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1921. Январь 1920 – март 1921. – С. 167. Прим. 140.)

⁸ З ініціативи Вернадського при Таврійському університеті була створена «комісія про положення вищої школи і навчальних сил у Росії», до якої повинні були надходити відомості про «випадки природної смерті, загибелі або особливі втрати, які зазнали російські вчені з осені 1917 р.». (*Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1921. Січень 1920 – березень 1921. – С. 165. Прим. 137.)

⁹ С 22 по 28 жовтня (4–10 листопада) у Сімферополі під головуванням Вернадського проходив сьомий з'їзд Таврійської наукової асоціації. 25 жовтня (7 листопада) він виступив на з'їзді з доповіддю «Російська інтелігенція і нова Росія». Текст доповіді див.: *Вернадский В. И.* Публицистические статьи / Сост. В. П. Волков. – М.: Наука, 1995. – С. 293–295.

¹⁰ Ніна Володимирівна Вернадська (1898–1986) – дочка В. І. Вернадського.

¹¹ Георгій Володимирович Вернадський (1887–1973) – син В. І. Вернадського, історик. З осені 1918 р. – професор Таврійського університету. Восени 1920 р. був призначений начальником відділу преси уряду Врангеля. Однією з висунутих Г. В. Вернадським умов призначення на посаду було збереження за ним професури у Таврійському університеті. (Див.: *Вернадский Г. В.* Крым // Новый журнал. – 1971. – Кн. 105. – С. 219.)

¹² Наприкінці грудня 1921 р. Вернадський одержав за прошення ректора Паризького університету професора П. Апеля прочитати курс лекцій з геохімії. На початку червня 1922 р. він виїхав із дружиною і дочкою через Прагу в Париж. Заява Вернадського в Народний комісаріат іноземних справ із проханням про видачу закордонного паспорта див.: *Вернадский В. И.* Дневники. Март 1921 – август 1925. – С. 62–63.

¹³ Через зволікання і затримки з оформленням виїзних документів Вернадський не встиг приїхати до початку весняного семестру 1922 р. і почав читання курсу тільки в грудні. Курс був розрахований на 15 лекцій і читався раз на тиждень – із 15 грудня до середини березня. (Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / Сост. Г. П. Аксенов. – М.: Современник, 1993. – С. 146.)

¹⁴ Сорбонський математик Еміль Борель від імені факультету запропонував Вернадському допомогу у переговорах із видавництвом, що могло б випустити курс лекцій з геохімії окремою книгою.

¹⁵ Спершу термін відрядження Вернадського був п'ять місяців. Проте в зв'язку з тим, що йому вдалося укласти договір на видання курсу геохімії з науковим видавництвом «Алкан», Вернадський попросив Академію наук продовжити йому відрядження до осені 1923 р.

¹⁶ У листі І. І. Петрункевичу, написаному 10. 03. 1920, Вернадський більш докладно зупиняється на темі «наукової еміграції»: «Если бы не дети и не то, что я чувствую, что мне нужно кончить научную работу, которая для меня самое дорогое, – я, может быть, не захотел бы оттуда [із Росії – *І. Т.*] уехать. Но годы идут и идут, осталось мне жить немного, а сказать и сделать хочется много. Это заставляет меня стремиться в Америку. То, чего я хочу там, – не кафедры и не лекций. Я считаю необходимым организацию особой биогеохимической лаборатории. Об этом своем проекте я написал в Институт Карнеги. Не знаю, выйдет ли из этого что-нибудь – шансов немного. Но если это удастся – я думаю, я получу возможность сделать много. Такую лабораторию можно было бы устроить в России, но нам там приходится для получения результата тратить в несколько раз больше сил. И затем это еще долго будет самым тяжелым местом жизни». («Я верю в силу свободной мысли...») Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу // Новый мир. – 1989. – № 12. – С. 206.)

¹⁷ Світоглядну позицію Вернадського пояснює такий запис у щоденнику: «Я считаю себя глубоко религиозным человеком. Могу глубоко понимать значение и силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии для меня ясна, не только в том утешении в тягестях жизни, в каком она часто оценивается. Я чувствую ее, как глубочайшее проявление человеческой личности. Ни искусство, ни наука, ни философия ее не заменят и эти человеческие переживания ее касаются тех сторон, которые составляют ее удел. А между тем для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Мне не нужны слова и образы, которые отвечают моему религиозному чувству. Бог – понятие и образ слишком полный несовершенства человеческого. (*Вернадский В. И.* Дневники.

Март 1921 – август 1925. – С. 113.) Порів. в іншому місці: «Я не люблю, неверующий, не христианин, быть в храме верующих». (Там само. – С. 119.)

¹⁸ Цю ж думку можна знайти і у щоденнику (запис від 29. 05. 1924): «Сейчас для будущего человечества более страшен и опасен идеал большевизма и социализма, более глубокий враг свободы, даже, чем [опасность со стороны] христианской церкви, потерявшей прежнюю возможность преследований». (Вернадский В. И. Дневники. Март 1921 – август 1925. – С. 118.)

¹⁹ Вчений-мінералог Альфред Лакруа, член Французької академії наук і її неодмінний секретар, а також професор Національного музею природничої історії в Парижі був ініціатором продовження відрядження Вернадського у Франції. У листі Петрункевичу від 30. 09. 1923 Вернадський докладніше розповідає про те, як це відбулося: «Я – помимо всяких моих стараний – получил продление моей командировки от Академии Наук до мая 1924 г. Это постановление сделано по распоряжению Сергея Федоровича Ольденбурга, который сказал мне о своем поступке *post factum*. Вместе с тем, тоже совершенно неожиданно, я получил предложение остаться здесь до весны от французов, прочесть зимою курс лекций в Сорбонне, а весной в *Museum d'histoire naturelle*. Все это мне устроил Лакруа, который переговорил с руководителями этих учреждений и влиятельными профессорами. Он мне ничего об этом не говорил, и его предложения были неожиданностью! Они от себя обратились официально в Академию Наук о продлении моей командировки». («Я верю в силу свободной мысли...» Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу. – С. 208.)

²⁰ В іншому місці Вернадський висловлює свою думку точніше: «Если бы я был совсем моложе – я бы эмигрировал. Во мне чувство общечеловеческого много сильнее национального. Но сейчас это трудно и невозможно, так как всегда требуют нескольких лет, потраченных на приобретение положения». («Я верю в силу свободной мысли...» Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу. – С. 212.)

²¹ Завершивши усі свої наукові справи в Парижі до листопада 1925 р., В. І. Вернадський разом із дружиною виїхав у Прагу, а через три з половиною місяці – у Ленінград.

²² Радіологічна лабораторія Академії наук, заснована 1915 р., у 1922 р. була перетворена в Державний Радієвий Інститут, директором якого до 1939 р. був Вернадський.

²³ Комісія з вивчення природних продуктивних сил Росії (КППС) була заснована Вернадським у 1915 р. з метою розгортання програми комплексних досліджень продуктивних сил країни з метою необхідної мобілізації сировинних ресурсів на військові потреби в роки Першої світової війни. У 1930 р. КППС була перетворена в Раду по вивченню продуктивних сил СРСР при АН СРСР.

²⁴ Про ріст інтересу до краєзнавства Вернадський знав від своїх старих друзів – сходознавця С. Ф. Ольденбурга і медієвіста І. М. Гревса, що працювали в Центральному бюро краєзнавства. Ще один найближчий друг – Д. І. Шаховської писав наприкінці 1925 р.: «Очередной задачей ближайшего года я считаю борьбу за единство русской культуры и за сознательное вовлечение в эту борьбу народных масс. Внешнее выражение этого всенародного овладения наукой и всенаучного завоевания народа – есть *краеведение*». (Див.: Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. – С. 155). У Центральне бюро краєзнавства входило 1800 різноманітних установ.

²⁵ Платонов Сергій Федорович (1860–1933) – історик, професор Петербурзького університету, академік Російської академії наук.

²⁶ Любавський Матвій Кузьмич (1860–1936) – історик, ректор Московського університету в 1911–1917 рр., академік Російської академії наук.

²⁷ У лютому–березні 1928 р. Вернадський прочитав курс геохімії в пражському Карловому університеті, а потім поїхав по маршруту Нюрнберг–Мюнхен–Страсбург–Париж–Гронінген–Берлін.

²⁸ Міддендорф Олександр Федорович (1815–1894) – російський натураліст і мандрівник, академік Петербурзької академії наук.

²⁹ Ленц Емілій Християнович (1804–1865) – російський фізик і електротехнік, ректор Петербурзького університету в 1863–1865 роках, академік Петербурзької академії наук.

³⁰ Фусс Микола Іванович (1755–1825) – російський математик, академік Петербурзької академії наук.

³¹ Гесс Герман Іванович (1802–1850) – російський хімік, основоположник термохімічних досліджень у Росії, академік Петербурзької академії наук.

³² Бертело П'єр Єжен Марселен (1827–1907) – французький хімік, іноземний член-кореспондент Петербурзької академії наук.

³³ Кюрі П'єр (1859–1906) – французький фізик, один із творців вчення про радіоактивність. Разом із дружиною Марією Склодовською-Кюрі відкрив у 1898 р. полоній і радій.

³⁴ Перрен Жан Батіст (1870–1942) – французький фізик, професор Паризького університету, лауреат Нобелівської премії, іноземний почесний член Російської академії наук.

³⁵ Склодовська-Кюрі Марія (1867–1934) – дружина П. Кюрі, фізик і хімік, іноземний почесний член Російської академії наук. Керувала відділом фізико-хімічних досліджень у Радієвому інституті в Парижі, у якому Вернадський проводив свої дослідження радіоактивних мінералів у 1923–1925 роках.

³⁶ Д. І. Менделєєв був обраний членом-кореспондентом Петербурзької академії наук у 1876 р., але його кандидатура в академіки була в 1880 р. відхилена «... противодействием темных сил, которые ревниво закрывают двери Академии перед русскими талантами» (із листа професорів Московського університету, цит. по: *Бутлеров А. М. Соч. Т. 3. – 1958. – С. 128*). Докладніше про це див.: *Князев Г. А. Д. И. Менделеев и Академия наук // Архив истории науки и техники. – М.: Л., 1935. – С. 299–333*.

³⁷ Веселовський Костянтин Степанович (1819–1901) – російський економіст і статистик, академік Петербурзької академії наук, неодмінний секретар АН із 1857 по 1890 р. З ім'ям Веселовського пов'язаний сумно відомий скандал із забалотування в академіки Д. І. Менделєєва, про який згадує Вернадський.

³⁸ Розен Віктор Романович (1849–1908) – російський сходознавець-арабіст, академік Петербурзької академії наук.

³⁹ Пастер Луї (1822–1895) – французький учений, основоположник сучасної мікробіології й імунології, іноземний почесний член Петербурзької академії наук. Спростував теорію самозародження мікроорганізмів.

⁴⁰ Лобачевський Микола Іванович (1792–1856) – російський математик, творець неевклідової геометрії (геометрії Лобачевського). Ректор Казанського університету в 1827–1846 рр. У щоденниковому записі від 31. 05. 1924 Вернадський відзначає, що читає «Васильєва біографію Лобачевського» (*Васильев А. В. Николай Иванович Лобачевский. Казань, 1894*). Тут же – стисла характеристика вченого: «Удивительный ученый Лобачевский по простоте: его глубина не сознавалась – а влияние его личности было, по-видимому, очень велико». (Вернадский В. И. Дневники. Март 1921 – август 1925. – С. 125.)

⁴¹ Магницький Михайло Леонтійович (1778–1844) – по-печитель Казанської навчальної округи в 1819–1826 рр. Відомий своїми консервативними поглядами.

⁴² Влітку 1929 р. Вернадський приїхав у Чехословаччину з Берліна, де був присутній на з'їзді Мінералогічного товариства.

⁴³ Через два тижні після цього послання Родичеву Вернадський у листі до сина докладніше зупинився на процесах (і своїх побоюваннях), викликаних політикою «великого перелому»: «Что-то я увижу сейчас в России? Дикая, бессмысленная чистка... А наряду с этим уже более грозная борьба власти с русским крестьянством. Больше всего я боюсь развала русского государства – вновь связать разорвавшиеся части обычно никогда не удается – Украина и Грузия – наиболее опасные части. Украина силою удержана быть не может... Основное, конечно, крестьянское движение – на Украине в нем русский = большевику и это придает серьезность моменту». (Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну (Русская наука в 1929) / Публ. К. К. // Минувшее: Исторический альманах. – 1992. – Вып. 7. – С. 446–447.)

⁴⁴ Порівн. із фразою в листі до Г. В. Вернадського: «Мы идем к какой-то катастрофе, если не найдется человек, который сумет остановить и повернуть безумный бег». (Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну. – С. 427.)

⁴⁵ Грум-Гржимайло Володимир Юхимович (1864–1928) – російський учений-металург, член-кореспондент Російської академії наук. Можна припустити, що Вернадський має на увазі заяву Грум-Гржимайла про звільнення його з посади професора Уральського державного університету, направленою ним ректору УДУ В. В. Алфьорову 27 березня 1927 р. У заяві, зокрема, говорилося: «Как ни горько нам приходится, русский народ медленно и неуклонно идет к выздоровлению, и я вполне уверен в том, что переживаемые нами бедствия сделают нас великим и смелым, культурным народом-тружеником... В Ваши социалистические идеалы я, конечно, не верю; но убежден, что они и в Вас самих сидят очень некрепко и закон необходимости заставляет Вас, большевиков, делать то, что требует жизнь, а не то, о чем мечтали поэты и философы». (Див.: Из бумаг металлурга В. Е. Грум-Гржимайло / Публ. П. Усова // Минувшее: Исторический альманах. – 1990. – Вып. 2. – С. 291–309.)

⁴⁶ «Братство» – гурток університетської молоді (В. І. і Н. Є. Вернадські, подружжя І. М. і М. С. Гревс, брати С. Ф. і Ф. Ф. Ольденбурги, Д. І. Шаховської, А. А. Корнілов і ін.), котра ставила перед собою цілі самовдосконалення і мирної еволюції соціального ладу. Основними засобами досягнення цих цілей члени Братства вважали наукові заняття і просвіту народу. Майже всі члени Братства стали активними діячами земського руху, а потім – конституційно-демократичної партії. Див.: *Вернадский Г. В.* Братство Приютино // Новый журнал. – 1968. – № 93. – С. 147–171; 1969. – № 95. – С. 202–215; № 96. – С. 153–171; № 97. – С. 218–237; *Шаховской Д. И.* Письма о Братстве / Публ. Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского и М. Ю. Сорокиной // Звенья: Исторический альманах. 1992. – Вып. 2. – С. 174–318; *Каганович Б. С.* О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютина братства» // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. – СПб.: Европейский Дом, 1997. – С. 90–103.

⁴⁷ Займаючи з 1904 по 1929 р. посаду Неодмінного секретаря Академії наук, С. Ф. Ольденбург після революції 1917 р. був змушений постійно іти на компроміс із більшовицькою владою для зберігання як самої Академії, так і її в основному «буржуазних» кадрів. Однією із таких поступок, наприклад, була книга, написана Ольденбургом після його поїздки по Німеччині, Англії і Франції влітку 1923 р. (Див.: *Ольденбург С. Ф.* Европа в сумерках на пожарище войны. – Пг.: Время, 1924). Серед російських емігрантів у Європі (у тому числі і багатьох знайомих В. І. Вернадського) цей текст викликав негативну реакцію. Ольденбурга стали вважати якщо не прямим зрадником, то, принаймні, пособником більшовиків. Навіть у Російській академії наук був поширений такий віршик: «Академик Альтенград большевицкий лиже зад». (Див.: *Вознесенский И.* Только востоковеды... // Память. Исторический сборник. – 1980. – Вып. 3. – С. 448.) Вернадський прекрасно розумів причини політичної лояльності друга. У листі Петрункевичу від 8. 01. 1925 він докладніше описує сюжет з роботи французького сходознавця Ж. П. Абеля Ремюза, на який мимохіть посилається й у листі до Родичева: «Ремюза как-то напечатал записки китайского государственного деятеля во время катастрофы, постигшей Китай при Чингиз-хане. Он пошел к татарам и сделался ближайшим помощником Чингиза; и благодаря ему, а не его моральным противникам, Китай не постигла судьба Средней Азии, где все было уничтожено. И этот мандарин был морально прав». («Я верю в силу свободной мысли...»). Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу. – С. 217.)

⁴⁸ Під час свого закордонного відрядження 1932 р. Вернадський відвідав Чехословаччину, Німеччину (Мюнстер, Геттінген, Берлін, Лейпциг) і Францію (Париж).

⁴⁹ Тетяна Миколаївна Толль – дочка Ніни Володимирівни Вернадської (у шлюбі Толль) і Миколи Петровича Толля народилася 9 травня 1929 р.

⁵⁰ У великому і докладному листі сину від 5–6. 05. 1932, що описує ситуацію в країні й Академії наук, Вернадський спеціально зупиняється на тому, як примітивні ідеологічні догми згубно впливають на розвиток вільної наукової думки: «Сейчас идет в стране удивительный по идее и тяжелый по энергии опыт насильственного внедрения особой философии в научную работу. Диалектический материализм проводится полюбозованными адептами, целой оравой «диаматов» – при отсутствии настоящих философски образованных и мыслящих; учатся ему сотни тысяч или, м. б., даже миллионы людей, и с ними сталкивается вся научная работа: цензура совершенно дикая. Часть «диаматов» фанатично-изуверкабальная. Часть «чего изволите»... Мне кажется, совершается поворот в сторону идеологии Сореля, ставившего философию над наукой... Я решительно и определенно, когда возможно, выступаю против, считая, что я как философски образованный человек – философский скептик не могу допустить внедрения философии в науку в той дикой форме, в какой это делается». (Див.: *Week-end в Болшево*, или еще раз «вольные» письма академика В. И. Вернадского / Публ. и комм. М. Ю. Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. – 1998. – Вып. 23. – С. 306–307).